РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ПРОБУЖДЕНИЕ БЕЗ СПЯЩЕГО: СКВОЗЬ ГЕНЕАЛОГИЮ МЫСЛИ К ПРЕДИКТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ» Д. С. УШАКОВА

Монография представляет собой авторский философский проект, претендующий на создание новой объяснительной модели социальных, антропологических и биологических процессов. В работе акцентируется внимание на прогностической функции философии, которая позволяет на основе введения «новых данных» (авторских) осмыслить причины и последствия процессов возникновения и распада, имеющих место в наличной реальности.

По сути, автор предлагает свою онтологическую модель мира, утверждая, что категории и методы классической, неклассической и постнеклассической философии себя исчерпали и не могут применяться для анализа современных процессов. В качестве новой парадигмы предлагается «онтологию удержания», где бытие понимается как динамическая конфигурация сил, балансирующая на грани распада.

Центральным понятием выступает «режим удержания», которое объясняет переходы от статики к динамике, трансформации системы и её фиксации в нестабильном состоянии. Согласно авторской концепции, основным онтологическим законом выступает «режим удержания», который относится не только к внешним конфигурациям мира, но и к сознанию человека, его возможностям заново переосмысливать законы мироздания на основе нового категориального аппарата. Последний также функционирует в «режиме удержания». Автор предлагает новую метафизическую модель для понимания социальных, мыслительных и биологических форм существования.

Монография включает шесть глав, в которых последовательно разворачивается анализ различных аспектов философского знания:

онтологических, эпистемологических, антропологических, этических, а также вопросов, связанных с природой власти и сущностью прогресса.

В первой главе автор осуществляет анализ пяти разноплановых кейсов (антиводород, река Уонгануи, квантовое обращение стрелы времени, нейронные ансамбли и случай CRISPR -близнецов), демонстрируя, что классические категории (материя, время, память, душа, жизнь) обнаруживают свою несостоятельность в понимании этих ситуаций, поскольку прежние философские и естественнонаучные модели, а также их категориальный аппарат не способны объяснить новые явления. Анализ и критика классических и неклассических философских подходов в понимании категорий «материи», «времени», «памяти», «субъекта», «души», «жизни» позволяет автору предложить новое понятие «удержание», которое, с его точки зрения, обладает значительным эвристическим потенциалом.

Интересной представляется логика построения текста работы. Каждый параграф выстраивается по единой схеме: 1. фиксируется экспериментальный или юридический факт; 2. реконструируются подходы классической философии и науки по анализируемым кейсам; 3. показывается их несостоятельность (противоречивость); 4. вводится новый методологический конструкт - «режим удержания», который объясняет специфику и институционализацию новых явлений в современном мире.

Ключевая идея главы состоит в том, что основным законам существования, изменения, распада и стабилизации социальных, антропологических, природных, биологических структур жизни выступает не некая неизменная и вечная субстанция, а динамический режим удержания конфигурации систем между состояниями стабилизации и распада. При этом материя, время, память, жизнь, субъект выступают уровнями единого онтологического процесса, детерминируемого законом «удержания». Данная претензия на универсализм, на выявление предельно общей связи между явлениями различной природы, связывает концепцию автора с

представлениями досократиков о едином начале, с идеями Парменида о вечном законе мироздания (учение о Бытии), философской системой Аристотеля (его телеологическим объяснением сущего) и, конечно, с Г. Гегелем (учение об Абсолютной идее, которая реализует себя через природу, общество и человеческое мышление). В результате, автор, критикуя античных мыслителей и представителей классической философской традиции, имманентно воспроизводит их логику рассуждений о мироздании, вводя новые категории для описания вечных процессов бытия. Это демонстрирует фундаментальность мышления классиков философии, их способность выстраивать масштабные и системные онтологические модели.

Следует отметить, что глава отличается методологической смелостью автора, стремящегося в одном концептуальном пространстве соединить физику элементарных частиц, философию, юриспруденцию, квантовую механику, нейрофизиологию и биоэтику. С одной стороны, это демонстрирует масштабный междисциплинарный синтез, а с другой, - представляет собой эклектическое соединение областей науки, опирающихся на принципиально различные методологические принципы.

Достоинством данной главы является ее концептуальная новизна. Посредством введения понятия «режим удержания» автор стремится переосмыслить ряд философских проблем без апелляции к субстанциализму и трансценденциализму.

Глава обладает логикой, структурой и четкой аргументацией автора. Интересной представляется идея создания футурологических «документов», демонстрирующих возможные трансформации правовых статусов природных объектов в будущем, а также появления новых институтов, что, по мнению автора, демонстрирует инновационные онтологические сдвиги, которые нуждаются в формировании нового языка (научных понятий) для их осмысления.

В тоже время следует обратить внимание на следующие спорные моменты и замечания.

1. С первых строк монографии автор применяет понятие «удержание», но его смысл остается не проясненным. Целесообразней было бы посвятить первый параграф освещению концепции удержания, ее истокам и современным толкованиям, что позволило бы автору использовать механизм удержания при конструировании своей онтологической концепции. Непосвященному читателю трудно понять принципы функционирования «режима удержания».

2. Вызывает вопрос апелляция к футуристическим документам. Резолюции 2034-2043 гг. - это конструкт автора или реальные источники? Если последнее, то необходимо дать на них ссылки. Иначе возникает риск смешения научной аргументации и фантастического вымысла.

3. Стилистическая перегруженность, использование неологизмов без уточнения их смысловой определенности. Это создает трудности для читателя текста, поскольку интерпретация определенных понятий читателем и автором может не совпадать.

Вторая глава посвящена анализу реализации «режима удержания» в эпистемологическом контексте. Если в первой главе через рассмотрение пяти вышеперечисленных кейсов утверждалось, что материя, субъект, время, память и жизнь не обладают субстанциальным характером, а представляют собой режимы удержания конфигураций бытия, то вторая глава по сути повторяет эту же логику по отношению к эпистемологическим категориям (истина, научная процедура, свидетельство, фигура познающего). Это демонстрирует последовательность автора в реализации своей стратегии.

Глава отличается насыщенностью историко-философского дискурса относительно понятия истины, отражающего динамику представлений о ней от античности до постмодерна. Критика сложившихся подходов позволяет автору предложить собственное понимание истины через «режим удержания»: «научная истина есть событие удержания следа конфликта между

сложившимся порядком научного знания и эмпирической дестабилизацией, которую этот порядок не способен объяснить» (С. 106).

В своем понимании истины автор стоит на том, что истину нельзя найти в готовых результатах, где мысль завершена и сведена к официальной версии или принимается большинством представителей научного сообщества. Данная позиция не отличается новизной, поскольку отражает релятивистскую концепцию истины (истина контекстуальна и имеет множество интерпретаций), начало которой восходит к софистам и проходит через всю историю философии вплоть до постмодернистского дискурса.

Главная идея главы - это авторское обоснование тезиса, что познание не есть отношение субъекта и объекта, истина - это не соответствие знания действительности или суждения вещи, научная процедура не есть формальная операция над материалом, свидетельство - не передача знания через нейтральный канал информации, познающий не является автономным субъектом. То, что классической философской традицией признавалось в качестве базовых принципов познавательной деятельности, автор полагает не состоятельным в плане объяснения функционирования различных систем. Потому им предлагается их новое понимание как определенных режимов удержания.

Данная глава отличается оригинальностью идей, глубоким историко-философским анализом, междисциплинарным охватом и концептуальной последовательностью. Однако и ей присуща недостаточная концептуальная строгость в применении понятий. Понятие «удержание», по-прежнему, не получает развернутого определения, что не позволяет понять, чем эпистемологическое удержание отличается от онтологического? В пояснении нуждаются и такие понятия как «конфигурация», «режим», «таксис» и др. Для более четкого понимания позиции автора было бы желательно формулировать выводы по главам.

Третья глава освещает антропологический ракурс реализации авторской модели «онтологии удержания» (здесь тоже возникает вопрос: понятия «режим удержания» и «онтология удержания» используются как синонимы или имеют свою специфику?). Автором предлагается пять кейсов (Ozempic, Facebook Files, созданная ИИ актриса Тилли Норвуд, платформа Bubble и индустрия экстремального туризма) и их переосмысление с позиции предложенной онтологической модели. По замыслу автора эти примеры предоставляют возможность переосмысления тела и телесности человека, его аффективной и логической структур, идентичности и отношения к смерти.

Автор определяет тело человека как материальную конфигурацию, в которой удерживается пересечение разнородных процессов (биологических, аффективных, социальных, биографических, медицинских и фармакологических). Отказываясь от прежнего понимания человека как биосоциального существа, автор предлагает его рассмотрение как целостной материальной системы, которая постоянно поддерживается и воспроизводится. Также определяется и специфика идентичности « … не как структуры, привязанной к единичному носителю, и не как структуры, оторванной от носителя вообще, а как материальная конфигурация удержания различения, опирающаяся на распределённое референциальное основание» (С.177).

Интересным представляется анализ «бытия к смерти» в философии М. Хайдеггера, который рассматривал близость к смерти (осознание своей конечности) как способ раскрытия подлинности человеческого бытия. Но, как отмечает автор, современная индустрия экстремального туризма превращает его в объект получения прибыли.

Глава отличается высокой концептуальной насыщенностью, глубокой рефлексией философских подходов, последовательностью реализации авторской методологической стратегии. Но, вместе с тем, данная глава тоже имеет ряд уязвимостей, отмеченных в предшествующих главах: отсутствие четкого научного глоссария, используемых понятий; отделение фактов от

воображаемых ситуаций; стилистическая перегруженность, затрудняющая понимание автора. Не до конца проясненным остается механизм «режима удержания» в аспекте анализа антропологической сферы.

Четвертая глава монографии посвящена переосмыслению этических вопросов, представлений о добре и зле, о сострадании и безразличии в условиях цифрового общества, где субъектностью начинают обладать алгоритмические платформы и искусственные интеллектуальные агенты.

Глубоким и интересным представляется анализ этических воззрений мыслителей от античности до XX века. Автор утверждает, что классики философской мысли исходили из универсальности этического субъекта, обладающего свободой воли, а также общезначимости представлений о добре и зле. Однако в условиях появления новой цифровой инфраструктуры этическая субъектность личности утрачивает свою монополию на вынесение вердикта о нравственной допустимости тех или иных действий.

Для анализа влияния алгоритмической среды на этический выбор человека автор вводит новые понятия: «этическая мобилизация», «ретенционная интимность», «истина-диаференсис», «этика удержания». На примере пяти кейсов - автор не изменяет себе – он стремится разобраться в проблеме этического выбора человека цифрового мира.

Оригинальным является избрание в качестве примера следующих сюжетов: эвтаназия коал после пожаров, замена христианского креста на рождественской иллюминации в Париже, дело мельбурнского подростка, разоблачения Э. Сноудена и история Джорджтаунского колледжа. Сюжеты сами по себе интересны, но преломление этих событий через моральную оценку значительно усиливает их эффект. На их примере автор показывает процесс трансформации моральных норм, их утилитарность, а в условиях действия алгоритмических платформ - их управляемость и унификацию в нужном направлении, для стоящих за ними индивидуальных или коллективных субъектов.

Автор утверждает, что инструментализм в этической сфере невозможно объяснить исключительно духовной деградацией общества или несовершенством человеческой природы. Сегодня каждый этический поступок человека проходит через алгоритмические системы и способность человека действовать этически зависит от того, как эти системы работают (вернее, как они настроены). Автор показывает это на примере эвтаназии коал, где австралийские ветеринары действуют в рамках утилитарной биоэтики (исходя из принципа общей пользы). А миллионы пользователей, которые переживают эту трагедию через информацию и образы в сетях, вовлекаются эмоционально через цифровую инфраструктуру, то есть их реакция поддерживается алгоритмами, которые усиливают их вовлеченность в массовый акт сострадания. Этот факт дает автору основание утверждать, что «этическая мобилизация миллионов пользователей по всему миру совершается через прохождение материала через эти алгоритмические фильтры, и сама способность субъекта мобилизоваться этически становится продуктом этой инфраструктурной работы» (С. 206). Таким образом, автор указывает на тенденцию рационализации милосердия, исключающую аффективный компонент из этического выбора, что, по сути, устраняет «слишком человеческое» из процесса принятия решения, касающегося жизни другого существа. На наш взгляд, данный кейс свидетельствует об обратном: австралийские ветеринары действуют в силу разных причин рационально, а пользователи Сети, напротив, этически мобилизуются именно под влиянием алгоритмических фильтров, которые детерминируют «всплеск» сострадания. Здесь одновременно имеют место и рациональная, и эмоциональная этическая позиция.

Интересным представляется анализ толерантности как этической категории и моральной практики. Автор отождествляет толерантность как добродетель с правовой нормой и практикой государства. В тексте подробно рассматриваются трактовки толерантности в философской мысли, но почему-

то отсутствуют концепции Дж. Ролза и Ю. Хабермаса, что могло бы дать более полное понимание этическим и правовым основания так называемой либеральной толерантности. Представляется, что в понимании толерантности следует учитывать цивилизационный контекст, определяющий архетипичные мировоззренческие установки западного, восточного и российского типов обществ.

Авторская интерпретация кейса замены христианского креста на нейтральный символ как движение к символической нейтрализации показывает радикализацию либеральной толерантности, которую можно оценивать как латентный страх перед возможными реакциями мигрантов. Собственно, это в полной мере демонстрирует духовную деградацию общества (в данном случае французского), поскольку для обеспечения своего спокойствия и благополучия они жертвуют сакральными символами. Их нежелание защищать свою систему ценностей может обернуться утратой собственной культурной идентичности, а соответственно, забвением собственной истории.

Впечатлил прогноз автора относительно новых правил осуществления научной деятельности в России. Речь идет о том, что человек, пишущий диссертацию, должен быть зарегистрирован в специальной сертифицированной системе (ИИ), которая сопровождает его исследовательскую работу. По сути, весь творческий процесс ученого и его результаты должны согласовываться с нейросетью. Данная тенденция, описываемая автором, отражает постгуманистический вектор развития современного мира. Но все-таки выбор той или иной тенденции развития общества определяется человеком. Алгоритмы и искусственные агенты - это продукт человеческой деятельности и ее инструмент (во всяком случае пока).

Сюжет с Э. Сноуденом показывает условность наличия приватной сферы в условиях тотальной слежки при помощи современных технологий. Автор утверждает, что знание о слежке и незнание о тотальном контроле по-разному

влияют на человека. Этическая оценка поступка Сноудена как обмена «онтологического» на «социальное» может быть воспринята как оправдание тотального наблюдения. Здесь автор акцентирует внимание, прежде всего, на этической неоднозначности поступка Сноудена, который выступает «либо изменником, нарушившим присягу, либо героем, открывшим обществу правду о слежке» (С. 233). Следует заметить, что действие лица, имеющего доступ к государственной тайне и разгласившей её исходя из абстрактно понятого гуманизма, не может быть однозначно оценен, поскольку есть понятие «служебный долг», относящийся к базовым принципам профессиональной этики, и общеэтический принцип «не лги» (говори правду). В связи с этим, нравственная оценка поступка зависит как от позиционирования себя субъектом действия («Я» – представитель силовой структуры, чьи действия определяются присягой, либо «Я» - представитель человеческого рода), так и стороннего лица, оценивающего поступок другого человека.

Данный раздел монографии имеет свои уязвимости. Во-первых, при анализе цифрового контроля не используются работы Ш. Зубофф (автор концепции платформенного капитализма), а также работа южнокорейского философа Бен-Чхоль Хана «Инфократия: истина и свобода в цифровую эпоху», которые раскрывают механизм управления обществом через алгоритмические платформы.

Также сложно поддается верификации утверждение автора, что знание о слежке разрушает «рефлексивный контур» (знание об отсутствии границ как способа защиты) сильнее, чем сама слежка). В цифровом обществе человек так или иначе оставляет цифровые следы и понимает, что по ним можно отследить его действия, однако это не препятствует использованию им цифровых технологий.

В кейсе история Джорджтаунского колледжа (а теперь университета) автор рассматривает дилемму истины, лжи и морали. По мнению автора, ложь - это не ошибка в данных, а отказ помнить об аморальном поступке, в

частности, вспомнить и восстановить историю колледжа, которая не является безупречной с позиций морали. В этом случае субъектом забвения выступает тот, кто знает об этом, но предпочитает забыть. Следует отметить, что отказ от субъекта в новой онтологической модели автора противоречит его позиции. Поскольку автор постулирует бессубъектность, т. е. реальность – это результат действия обезличенных сил, удерживающих систему от опрокидывания в хаос путем поддержания хрупкого баланса), то возникает вопрос: кто принимает решение о забвении? «Архив» или человек (или сообщество людей), заинтересованных в презентации иной, не подлинной, истории Джорджтаунского колледжа. По сути, истина в ее этическом аспекте рассматривается автором как память и верность ей.

Данная глава интересна, но для раскрытия позиции автора необходимо методологическое введение с определением ключевых понятий и объяснением выбора кейсов для философской рефлексии. Также автору следует разграничивать реальные факты, мысленные эксперименты и футурологические прогнозы.

Пятая глава представляет собой философскую рефлексию проблемы власти, легитимности и порядка с позиций авторской концепции «онтологии удержания», согласно которой все существующее понимается как то, что удерживает себя от распада. Автор не изменяет своей стратегии: глава состоит из пяти частей, построенных по общему алгоритму. Сначала берется реальный или условно реальный случай, затем прослеживается его осмысление с позиций классического и неклассического философского знания, а в завершении конструируется сценарий недалекого будущего.

Автор утверждает, что власть как устойчивая структура не способна себя осознать. Когда же власть доходит до предела своего могущества, она превращается в подчиненный элемент новой структуры более высокого уровня. В этом реализуется механизм «онтологии удержания».

Интересным представляется авторский анализ кейса «Остров Эпштейна», который демонстрирует отсутствие рефлексии власти относительно самой себя. Так опубликованные документы ничего не меняют, поскольку указывают только на то, что происходило, но не объясняют, почему это могло произойти. То есть сам порядок остается неуязвимым, поскольку не раскрываются те основания, на которых он держится. В связи с этим автор делает разграничение между данными и истиной. Последняя предполагает рефлексию в отношении причин появления подобного рода явления, однако в современном мире правит информация, а не истина.

В данной главе автор затрагивает достаточно актуальные проблемы, связанные с контролем и безнаказанностью элит, алгоритмическим управлением, крахом криптовалютной биржи, различными конфигурациями власти. Анализ различных проявлений власти приводит автора к выводу, что в западном мире сложилась особая модель власти, которую он называет «легитимность без легитимного». То есть история западной мысли переосмысливает сущность власти, отказываясь и от ее божественного происхождения, и от ее договорной основы, что приводит к идее, что именно отрицание власти и является основанием ее признания. Иначе говоря, отказ от чего-то служит доказательством существования этого чего-то. Данный аргумент и используется автором в описании власти как «легитимность без легитимного» (в логике автора - это признание власти при отсутствии того, кто мог бы быть признан властвующим). По сути, автор пытается переосмыслить свободу в условиях порядка, в котором субъекты власти не идентифицируются однозначно. Более того, автор считает свободу, понимаемую как полное освобождение от всего, разрушительной для человека. А все, что удерживает человека от произвола, напротив, обеспечивает устойчивую форму его существования. Два последних тезиса не обладают новизной, поскольку понимание свободы как вседозволенности и отсутствия внешних ограничений – это волюнтаризм, закономерное следствие которого – потеря связи с

реальностью и зависимость субъекта действия от собственных деструктивных желаний.

В шестой главе автор рассматривает потребность человека в Другом, а также связывание его мышления, воли и техники в единый узел. По мнению автора ключевым узлом для человека цифрового мира становится коммуникация, посредством которой он включен в связи с Другими. Если раньше его потребность в Другом находила выход через непосредственное взаимодействие, то теперь все это собирается в один цифровой узел, что одновременно обеспечивает эффективность взаимодействия и его уязвимость. Последняя проявляется в том, что у этой коммуникации уже в настоящее время отсутствует альтернатива. Поэтому если происходит поломка узла, то все связи человека, по мнению автора, обнуляются.

Содержание данной главы охватывает проблематику онтологии, философии техники, нейроэтики. Автор также разбирает ряд кейсов, позволяющих понять уровень зависимости человека от технологий и хрупкость человеческих связей в условиях доминирования цифровой инфраструктуры, а также последовательно применяет свою модель «режима удержания», используя при анализе различных сюжетов следующий понятийный ряд: «артикуляция», «артикул», «хрупкость», «сингенезис», «третья природа».

В данной главе, также как и в предыдущих, реализуется междисциплинарный подход, интегрирующий данные из различных областей знания. Текст перенасыщен анализом философских и научных теорий, страдает от понятийной перегруженности, что, как было отмечено ранее, затрудняет понимание авторской позиции.

В заключительном разделе монографии «Исход» автор подводит итог шести главам, содержащим анализ шести регистров (онтология, эпистемология, антропология, этика, власть, прогресс). По замыслу автора, онтология «удержания» выполняет не только методологическую, но и предиктивную функцию. Однако она позволяет предсказывать не конкретные события

будущего, а общую модель их изменений. Последняя включает три этапа: а) обнаружение того, что некая структура является конфигурацией; б) забывание условий ее возникновения: в) перестройку институциональной системы на новом уровне.

Несмотря на оригинальность авторской концепции, её конструкция носит абстрактный характер, не позволяющий понять, какие силы детерминируют запуск «режима удержания». В предложенной модели теряется сам человек, который становится материалом (субстратом) для безличных сил операциональной системы.

Резюме

Монография Ушакова Д. С. представляет оригинальный философский проект, претендующий на создание новой объяснительной модели социальных, антропологических и биологических процессов. Автор предлагает свою онтологию, центральным понятием которой является «режим удержания».

К достоинствам работы можно отнести концептуальную новизну, последовательность авторской стратегии: анализ классических философских подходов, критика их несостоятельности для описания сегодняшних и будущих ситуаций, обоснование эффективности концепции «режима удержания» для понимания социальных, антропологических, биологических, технологических явлений. Введенная автором модель «режима удержания» позволяет создавать ситуации будущего (футуристические проекты), демонстрируя неспособность прежних философских концепций и понятий их адекватному пониманию.

Автор демонстрирует знание классических, неклассических и постнеклассических философских подходов, что позволяет осуществить глубокий историко-философский анализ различных сюжетов.

В тоже время следует отметить терминологическую перегруженность текста, не позволяющую однозначно понять авторский замысел. Отдельного

внимания заслуживает язык изложения, который перегружен сложными конструкциями, также затрудняющими понимание предложенной концепции.

В этой связи хотелось бы рекомендовать автору сделать вводную часть, где дать разъяснение механизмам реализации «режима удержания» и определить базовые понятия. Во ведении следует прояснить концептуальное назначение футурологических кейсов, предлагаемых автором. Рекомендуется упростить стиль изложения материала и уточнить смысл неологизмов.

В целом монография обладает значительным эвристический потенциалом, поскольку представляет смелый концептуальный проект. Заслуживает внимания и предлагаемый автором новый философский язык для решения вечных вопросов философии. Однако текст нуждается в понятийной строгости, методологической ясности и стилистической доступности, что требует существенной доработки.

Рецензент:

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований

_____Шевченко Ольга Михайловна